

Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. М., 2004.

Бобровников В.О. Мусульмане Северного Кавказа: Обычай, право, насилие: Очерки по истории и этнографии права Нагорного Дагестана. М., 2002.

Бобровников В.О. Миф о Кавказской войне и ориентализм на российском Северном Кавказе // Россия и Восток: Проблемы взаимодействия: Материалы междунаро. конф. Волгоград, 2003.

Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2–3.

Северный Кавказ в составе Российской империи / Под ред. В.О. Бобровникова, И.Л. Бабич. М., 2007.

Яндиев М.А. Древние общественно-политические институты народов Северного Кавказа. М., 2007.

Д.Н. Прасолов

**ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА
ВЛАСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ТРАДИЦИОННОМ АДЫГСКОМ ОБЩЕСТВЕ
И ЕЕ ЭВОЛЮЦИЯ
В XVIII — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

Правовая культура властных отношений адыгов основывалась на особой системе нормативного регулирования, несводимой к нормам морали или права в чистом виде.

Иерархический характер социальных связей во взаимоотношениях князей, вассалов и сюзерена, вотчинника и подвластных, владельцев и крепостных, отцов и сыновей, старших и младших братьев обусловил сложную систему реализации политического насилия, легализованного действовавшей соционормативной системой. Ее арсенал включал регламентированные обычным правом административные и политические прерогативы правящей элиты, штрафы за неисполнение решений сословно-представительного собрания (*хасы*) и других институтов власти, правила осуществления кровной мести, изгнания,

лишения сословного статуса и т.п. Особой формой легализованного военно-политического насилия являлось наездничество.

Функционируя в установленных традицией правовых рамках, власть феодалов обеспечивала устойчивость общественных отношений, основанных на разделении социальных функций между различными слоями общества. Однако реальная историческая ситуация неоднократно демонстрировала существенный разрыв между правовыми нормами и практикой их реализации в политических и межсословных отношениях. Превышение своих полномочий князьями и дворянством, неконтролируемый разгул кровной мести и наездничества, несостоятельность военной элиты в обеспечении безопасности подданных и т.п. нарушали правовое равновесие в обществе, сопровождаясь ответной реакцией других социальных слоев. Она проявлялась в антифеодальной борьбе *тфокотлей* (свободного крестьянства) шапсугов, абадзехов и натахайцев (XVII–XVIII вв.), в массовых акциях неповиновения крепостных крестьян в Кабарде во второй половине XVIII в., в бегстве зависимых сословий на русскую территорию или к «демократическим» адыгам, уходе части подвластных от одних владельцев к другим и т.д.

Обоюдное нарушение права «низамы» и «верхами» распатывало устойчивую действовавшую соционормативную систему. Тем не менее базовой установкой правовой культуры властных отношений в традиционном адыгском обществе была ориентация на сохранение *status quo*. Поэтому обычным результатом преодоления его нарушений было восстановление, но не пересмотр традиционного правопорядка в обществе. В подавляющем большинстве известных социально-политических конфликтов в истории Черкесии XVI–XVIII вв. очевиден приоритет компромисса над сверхнормативным насилием, пренебрегающим или даже разрушающим действующие нормативные распоряжения. Однако уже в начале XIX в., когда вновь возникающие проблемы практически не поддавались решению традиционными средствами правового регулирования, сложились объективные предпосылки реформирования или радикального преобразования прежнего правопорядка.

Это привело к перераспределению властных полномочий между различными слоями общества («демократический переворот» в Западной Черкесии, «духовное правление» в Кабарде в 1807–1822 гг., шариатские преобразования Мухаммед-Амина среди абадзехов и шапсугов) и формированию новых модификаций правового регулирования властных отношений.

С конца XVIII в. важнейшим фактором кризиса традиционной политической и правовой системы сначала Кабарды, а впоследствии и западных адыгов становятся ограничения, устанавливаемые законодательством России. Его воздействие приводит к существенной модификации традиционной правовой культуры властных отношений, все больше тяготеющей к общероссийским образцам.